

«ИГРА В ПОРТРЕТЫ»

ТУРГЕНЕВ И ПОЛИНА ВИАРДО — УЧАСТНИКИ «ИГРЫ В ПОРТРЕТЫ»

Статья Андре Мазона*

В части парижского архива Тургенева, принадлежащей Национальной библиотеке, хранится коллекция листов, относящихся к «Игре в портреты», которой Тургенев, семья Виардо и их гости увлекались в течение многих лет — в Куртавнеле, в Париже, в Бадене¹. Всего здесь насчитывается 79 листов, из них на одном листе имеется только профиль, без текста — очевидно, этот лист по каким-то причинам не был использован играющими: то ли по недостатку времени, то ли потому, что графический образ не возбудил у участников живого интереса. В заполненных текстами 78 листах записи Тургенева и Виардо имеются на 59 листах, записи Тургенева (не считая других, не известных нам лиц) — на 9 листах, записи Виардо — на 4 листах. На последних 6 листах представлены только записи других лиц.

В коллекцию Национальной библиотеки несомненно вошли далеко не все листы, оставшиеся от «Игры в портреты»: значительная их часть сохранилась в собрании внучки Полины Виардо, дочери Марианны Виардо-Дювернуа, г-жи Анри Больё (Париж). По своему объему эта коллекция несколько превышает коллекцию Национальной библиотеки: она содержит 118 листов. Записи Тургенева и Виардо имеются на 89 листах, записи Тургенева — на 14 листах, записи Виардо — на 4 листах. На 6 листах представлены только характеристики, принадлежащие неизвестным лицам, 5 листов имеют лишь профили, без текста².

Объединение в единой публикации обеих парижских коллекций «Игры в портреты» позволяет составить более или менее полное представление об ее содержании и открывает перед исследователями перспективы разностороннего изучения связанных с ней проблем биографии и творчества Тургенева. Однако не следует думать, что в нашем распоряжении уже находятся все материалы «Игры в портреты». Вероятно, существовали еще какие-то ее части, которые после смерти Полины Виардо, при разделе ее имущества, попали в руки других наследников. В пользу этого предположения говорят результаты подсчета в публикуемых материалах количества листов, помеченных одной датой: в среднем таких листов насчитывается 4—5, реже — 6, в единичных случаях — 7; но вместе с тем есть дни, к которым относятся 2—3 или даже 1 лист. По свидетельству Тургенева (см. ниже текст его письма к Боткину от 25 октября/6 ноября 1856 г.), для одного вечера заготавливалось пять-шесть профилей. Следовательно, в тех случаях, когда мы располагаем одним, двумя или тремя листами, помеченными одной и той же датой, можно с уверенностью считать, что перед нами лишь разрозненные части тех полных комплектов, которые сохранял Тургенев среди своих бумаг. Этот вывод подкрепляется и тем, что в нумерации, которая давалась листам, относящимся к одному вечеру, в подобных случаях имеются пробелы. Не исключено также, что в остающихся пока неизвестными материалах «Игры в портреты» могут быть найдены листы с датами, вообще отсутствующими в публикуемых двух коллекциях.

* Перевод с французского И. С. Татариновой.

К коллекциям Национальной библиотеки и г-жи Болё в настоящей публикации присоединены еще три листа (№№ 45, 46 и 47), подаренные Тургеневым Л. Пичу и долгое время сохранявшиеся в архиве последнего ³.

Начало увлечения «Игрой в портреты» относится к сентябрю — октябрю 1856 г., ко времени пребывания Тургенева в расположенном близ Парижа имении Виардо — Куртавнеле. Он рассказывает об этом в письме к Боткину от 25 октября/6 ноября 1856 г., и то, что он пишет, вполне оправдывает интерес, который, век спустя, вызывают в нас наброски, принадлежащие небольшому обществу, собиравшемуся по вечерам в куртавнельском поместье. Вот выдержка из этого письма:

«Как отлично мы проводили время в Куртавнеле! Каждый день казался подарком — какая-то естественная, вовсе не от нас зависящая разнообразность проходила по жизни. Мы играли отрывки из комедий и трагедий (АВ. Моя дочка была очень мила в расиновской „Ифигении“. Я плох во всех ролях до крайности, но это нисколько не вредило наслаждению) — переиграли все симфонии и сонаты Бетховена (всем сонатам даны были, сообща, имена) — потом вот еще что мы делали: я рисовал пять или шесть профилей, какие только мне приходили — не скажу в голову — в перо; и каждый писал под каждым профилем, что он о нем думал. Выходили вещи презабавные — и Mme Viardot, разумеется, была всегда умнее, тоньше и вернее всех. — Я сохранил все эти очерки — и некоторыми из них (т. е. некоторыми характеристиками) воспользуюсь для будущих повестей. Словом, нам было хорошо — как форелям в светлом ручье, когда солнце ударяет по нем и проникает в волну. Видал ты их тогда? Им очень тогда хорошо бывает — я в этом уверен».

Ни один из листов, хранящихся в Национальной библиотеке, не датирован 1856 г., но многие помечены разными числами октября (без указания года), и у нас имеются основания — ограниченное число играющих, отсутствие записей на немецком или английском языках — предполагать, что некоторые из них относятся именно к октябрю 1856 г. К этому начальному периоду по всей вероятности могут быть отнесены листы: 1 (от 4 октября), 11 (от 13 октября), 17, 18 и 19 (от 15 октября), 22 (от 18 октября), 30 и 31 (от 24 октября), 33 (от 25 октября) *.

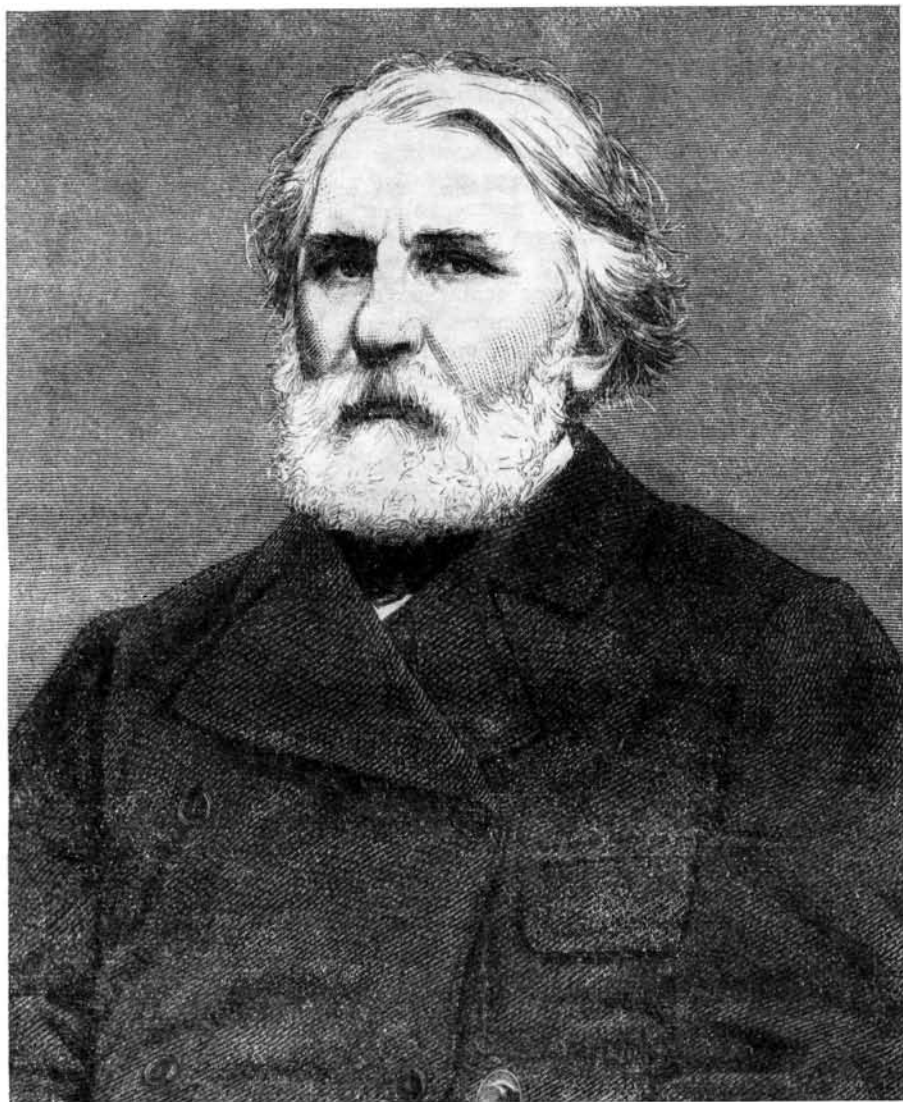
«Игра в портреты», затеянная в 1856 г., не раз возобновлялась в доме Виардо и позднее ⁴ — об этом свидетельствуют даты, сохранившиеся на многих листах коллекции Национальной библиотеки: 13 ноября 1863 г. (2 листа), 17 ноября 1863 г. (3 листа), 18 марта 1864 г. (4 листа), 20 марта 1864 г. (3 листа), 28 января 1865 г. (1 лист), 29 января 1865 г. (4 листа), 8 апреля 1865 г. (1 лист), 11 апреля 1865 г. (2 листа), 20 августа 1865 г. (3 листа), 22 августа 1865 г. (1 лист), 11 октября 1868 г. (1 лист), 12 октября 1868 г. (3 листа), 19 октября 1868 г. (2 листа), 1 ноября 1868 г. (1 лист) и 23 августа 1869 г. (1 лист).

Многие из этих дат повторяются и на листах второй коллекции, но там мы находим еще несколько листов, помеченных более поздними датами: 8 октября 1869 г. (4 листа), 19 октября 1869 г. (1 лист), 11 февраля 1874 г. (7 листов) и 17 апреля 1877 г. (4 листа). Таким образом, можно считать твердо установленным, что увлечение «Игрой в портреты» сохранялось в доме Тургенева — Виардо значительно дольше, чем это можно было предполагать ранее, когда нам была известна лишь одна коллекция Национальной библиотеки. Ею занимались более двадцати лет — с октября 1856 г. по апрель 1877 г., разумеется, с большими или меньшими перерывами. Столь длительный интерес к этой игре, которая заполняла досуг великого писателя и его друзей и близких на протяжении многих лет, составляет сам по себе факт примечательный.

Кто же были участники этой увлекательной литературной игры? Кому из них принадлежат те или другие записи? Ответ на эти вопросы в настоящее время не может быть исчерпывающим и окончательным. Однако некоторых мы можем все же назвать более или менее уверенно. Это прежде всего Тургенев и Полина Виардо, ее дочери Луиза, Марианна и Клоди, ее ученицы — Аглая Оргеня, Клотильда Йорген и Шарлотта Валентен, баденские друзья — как, например, г-жа Эккерт, постоянные гости, немцы и англичане, бывавшие в Бадене проездом.

* Здесь и ниже номера листов указываются по публикации в настоящем томе.

Распознать почерк Тургенева не представляет никакой трудности. Сложнее обстоит дело с почерком Полины Виардо, ибо он у нее был очень изменчив. Об этом еще в 1847 г. ей в изящно-шутливой форме писал Тургенев: «...для знаменитости вы пишете вполне хорошо. Впрочем, ваш почерк разнообразен до бесконечности: порою это

ТУРГЕНЕВ

Гравюра с рисунка Л. Пича

«Всемирная иллюстрация», от 10 мая 1869 г.

почерк красивый, тонкий, бисерный — настоящая мышка, бегущая рысдой; порою он идет смело, свободно, шагая большими шагами, а часто бывает, что он устремляется с чрезвычайной быстротой, с крайним нетерпением, ну и уж тогда, по чести, буквам приходится устраиваться как знают» (письмо из Парижа от 13/25 декабря 1847 г.). В письме к Юлиусу Рицу от 18 марта 1859 г. П. Виардо так характеризовала собственный почерк: «...но я вижу, что сегодня я пишу так мелко, что вам понадобятся не очки, а микроскоп, чтобы разобрать мои каракули. Говорят, что в почерке отражается

характер — мне очень жаль, если вы тоже так думаете — потому что я не знаю ничего изменчивее моего почерка — сегодня он у меня крупный, назавтра мелкий, два часа спустя удлинённый и косой, то прямой, то размашистый, то закругленный и большей частью малоразборчивый. Если судить по нему, представление о его хозяйке, для того кто ее плохо знает, получится очень нелестное — вот почему я и спешу, чтобы вы как можно лучше узнали меня. Я всегда буду говорить вам только чистую правду, ничего не преуменьшая и ничего не преувеличивая...»⁵.

Однако П. Виардо несколько преувеличивала, говоря, что у нее почерк «большой частью малоразборчивый». Мне довелось видеть совершенно легко читаемые образцы ее почерка, но должен с ней согласиться, поразительно несхожие. Исключительно благодаря дружеской помощи, оказанной мне г-жой Анри Больё, я смог с полной уверенностью установить тексты, написанные рукой ее бабушки. Все ее характеристики очень живые, язвительные и остроумные, неизменно искренние, часто суровые. Словесные портреты, сделанные П. Виардо, почти не уступают портретам, автором которых является Тургенев.

Задача определения авторов всех остальных записей не представляет, по нашему мнению, интереса: в большинстве своем они банальны и незначительны. Приходится только пожалеть, что одновременно остаются неизвестными авторы некоторых оригинальных и остроумных характеристик, изредка встречающихся в нашей коллекции.

По временам к постоянным участникам игры присоединялись гости, в том числе приезжавшие из Германии и Англии. Анализ иноязычных почерков был сделан по моей просьбе г-ном Фредериком Кокроном (Frédéric Coscon) для немцев и г-жой Апрель Фитц-Лион (April Fitz-Lyon), работающей над книгой о Полине Виардо, для англичан. Однако, несмотря на тщательность и добросовестность их исследований, за которые я считаю своим долгом выразить им здесь свою признательность, мы пока еще не имеем возможности с полной достоверностью установить, кому принадлежат эти тексты. В частности, не были найдены почерки Пича и Боденштедта, двух самых ревностных немецких корреспондентов Тургенева*. Не обнаружено также признаков участия в игре Юлиуса Рица, Теодора Шторма, Бертольда Ауэрбаха.

О результатах изучения немногих (около 15) записей на английском языке г-жа Фитц-Лион сообщила следующее: «После тщательного изучения текстов, можно почти с уверенностью сказать, что мы имеем дело с одним и тем же почерком, правда, образцы его принадлежат к разному времени и написаны различными перьями; почерк типичный для образованного человека XIX столетия, по всей вероятности, принадлежит мужчине и несомненно англичанину (не американцу). Содержание текстов подтверждает их принадлежность одному и тому же автору. Стиль одинаков, в них можно проследить повторяющиеся выражения <...> Характеристики персонажей написаны тонко и остроумно, человеком, легко владеющим пером и часто склонным к юмору, как это было модно тогда в Англии <...> В общем все эти характеристики или, лучше сказать, портреты приблизительно равноценны и сделаны на том уровне, который можно ожидать от обычного образованного человека».

Установить личность автора этих словесных портретов не удалось. Его почерк не принадлежит ни одному из тех лиц, с которыми были связаны Тургенев или семья Виардо и к автографам которых г-жа Фитц-Лион могла обратиться: У. Р. С. Рольстон, Г. Ф. Чорлей, Фредерик Лейтон, Антуанетта Стерлинг, Аделаида Кембл (г-жа Сартори), Генри Джеймс, Ричард Минктон-Милнс, Чарлз Диккенс, Генри Мели, Чарлз Сантлей.

Представляется весьма заманчивым определить авторов рисунков — хотя бы большинства их, если этого нельзя сделать по отношению ко всем листам. Одним из таких авторов был, по собственному его признанию, сам Тургенев. Из профилей, отнесенных к октябрю 1856 г., мы считаем тургеневскими следующие: 11, 14, 18, 19,

* К несколько иному выводу по этому вопросу пришел Г. Цигенгейст (Берлин), просмотревший по просьбе редакции «Литературного наследства» немецкие записи в листах второй коллекции. Он считает, что записи на листах 90 (20 августа 1865 г.), 96 и 97 (22 августа 1865 г.) и 120 (23 августа 1869 г.) могли быть сделаны Л. Пичем — их почерк весьма сходен с почерком этого немецкого друга Тургенева и Виардо. Следует отметить, что в августе 1865 и 1869 гг. Пич действительно гостил в Бадене (см.: Письма к Пичу, стр. 34 и «Вестник Европы», 1890, № 10, стр. 829). — *Ред.*

25, 26, 28, 30 и 38, кроме того, мы видим руку Тургенева в рисунках на листах: 54, 65, 86, 102, 106, 140, 146, 171, 172, 177, 178 и 180.

Полине Виардо, надо думать, принадлежат рисунки на листах: 1, 17, 20, 22, 31, 33, 48, 63, 64, 67, 71, 72, 91, 92, 93, 95, 104, 105, 114, 115, 121, 139, 141, 147, 169 и 173; возможно, что ею же нарисованы профили на листах: 53, 56, 58 и 61.

По мнению художника Ромена Симона (Romain Simon), внучатного племянника И. А. Гончарова, в этих рисунках чувствуются две совершенно различные манеры. Рисунки, принадлежащие Тургеневу, сделаны более твердой рукой, отличаются определенными, несколько резкими линиями, в общем мужественны, но схематичны и свидетельствуют о меньшем мастерстве, чем рисунки Полины Виардо (так, уши не вырисованы, очерчены небрежно; позды почти на всех портретах одинаковы). В рисунках Полины Виардо больше легкости, тонкости, изящества; они свидетельствуют о большем искусстве, о свойственном женщинам умении схватывать характерные черты физиономии и легким изгибом губ или направлением взгляда передавать выражение лица; в этом смысле очень характерен портрет на л. 31, помеченном 24 октября.

Кому принадлежит рисунок на л. 6, не установлено. По выразительности он напоминает манеру П. Виардо, но линия поздрей та же, что и на рисунке на л. 28, который как будто принадлежит Тургеневу. Портреты, не включенные в эти две группы, вероятно, следует приписать другим авторам — например, дочерям Виардо — Марианне или Луизе.

Возможно и даже вполне вероятно, что некоторые из профилей имеют портретное сходство с лицами, более или менее знакомыми авторам рисунков и некоторым из участников игры. Во всяком случае, большинство портретов как куртавнелских, так и позднее баденских и парижских, несомненно, отражают типы, знакомые кружку семьи Виардо. Это — композиторы и артисты, завсегдатаи оперы и концертов, светские люди и литераторы, писатели и профессора, банкиры, биржевые маклеры и дельцы, рейнские евреи и английские фермеры, всякого рода честолюбцы, идеалисты и авантюристы, путешествующие русские дворяне или крупные чиновники и прочая публика, бывающая на водах и в казино; встречаются даже разбогатевший рабочий, мастер, деревенский дурачок. В портретах перед нами проходит целое общество, в значительной мере космополитическое, в них отражены случайные, на следующий день позабытые встречи. Сами участники игры дополняют эту галерею типов в своих текстах, в которых проглядывают их повседневные заботы, их склад ума, их восторженность или недоверчивость, их то добродушная, то жестокая критика. И опять Тургенев и Полина Виардо судят наиболее здраво, наиболее проникательно, стараются быть правдивыми и в то же время благожелательными, за исключением тех случаев, когда выражают свое возмущение в беспощадном приговоре. Фальшивых, лицемерных людей они не милуют.

Так, например, Тургенев написал под портретом, набросанным им решительными штрихами 17 ноября 1863 г. в Бадене, меткую характеристику, столь же четкую, остроумную и живую, как те портреты, которые он рисует несколькими строчками в своих романах и рассказах, или в тех набросках, которые сохранились в его парижских рукописях:

«Крупный чиновник или крупный промышленник. Полное отсутствие фантазии и оригинальности — зато отличается властностью, честностью, здравомыслием, решительностью. Очень чистоплотен, исполнен важной учтивости. Осанка буржуа, говорит громко и самоуверенно. В семье его боятся, хотя он и не зол. Роста среднего, походка твердая, от него пахнет хорошим табаком и тонким бельем. Шумно сморкается в великолепные шелковые платки» (л. 54).

Серьезность суждения умеряется здесь легкой насмешкой заключительного штриха. То же можно сказать и о словесном портрете, сделанном на л. 53 (17 ноября 1863 г.):

«Архиепископ, человек добропорядочный, вежливый, елейный, нравственный и скучноватый. Очень любим и очень уважаем в своей епархии. Из очень хорошей семьи, в обращении приветлив, и не лишен величественности. Любит говорить: „Дитя мое“, „Прелестное дитя мое“. Страдает несколько смешными недугами, но терпеливо их переносит».

Характеристики, данные на этих же двух листах Полиной Виардо, более решительны и менее снисходительны:

«Бывший нотариус — землевладелец, филистер до мозга костей и не очень добрый» (л. 54). «Академик — человек остроумный, обязанный своим успехом не столько собственным заслугам, сколько случаю. На обедах, куда его часто приглашают, он завладевает разговором. Он основал несколько благотворительных обществ — вроде барона Тайлора. Не лишен изворотливости и ловкости» (л. 53).

В комментариях к профилю на л. 106 от 12 октября 1868 г., который можно было бы поместить в качестве иллюстрации к «Запискам охотника» или к «Дыму», поразителен контраст между характеристикой Тургенева, автора рисунка, и республиканской и антибонапартистской характеристикой П. Виардо (см. на стр. 524—525).

Острый, как лезвие ножа, профиль со срезанным подбородком, тонко нарисованный Полиной Виардо 12 октября 1868 г. (л. 105), интерпретируется очень различно. Автор первой характеристики (на немецком языке) видит в нем «приказчика <...>, члена певческого общества <...>, человека безобидного и неутомимого танцора»; во второй записи он предстает как «сочинитель романов», «негодяй, завистливый, тщеславный <...> он женится в 27 лет на богатой наследнице, будет иметь потомство и станет депутатом Империи»; по мнению третьего автора, он — «сын разбогатевшего портного <...>, очень любопытный, очень нескромный, очень легковерный». Тургенев и Виардо выражают такое же отвращение, первый как бы в кратком «физиологическом очерке», — вторая же присоединяет к омерзению, которое ей внушает этот человек, еще и свою ненависть к прессе и полиции Второй империи.

Тургенев: «Портной, развратный, потрепанный, отвратительный, злой как чёрт, грубый, но отнюдь не храбрый, ненавистный женщинам, нездоровый, лживый, грязный, ходит в омерзительных отрепьях, у него узловатые руки с синими погтями, на вид чахоточный — но тело железное; его когда-нибудь пристукнут в кабаке».

Полина Виардо: «Этот господин — отвратительный кошмар — он редактор какой-нибудь гнусной клеветнической газетенки — это чума, каналья — к тому же трус. Когда у него нет работы, он идет служить в полицию — на вторые роли — он никогда не бывает первым. За деньги этот человек пойдет на все что угодно — подлец — с головы до ног».

«Игра в портреты» объединяла Тургенева, Полину Виардо, ее старших детей, ее учениц и нескольких близких друзей — уже по одному этому она привлекает наш интерес. В этой домашней игре оживала, разумеется, в совершенно ином масштабе, давняя традиция, идущая от Лабрюйера и Лесажа — французских авторов, которые создали в своих книгах разнообразные очерки человеческих характеров. Тургенев и Полина Виардо обогатили эту старую традицию многими набросками, которые напоминают иногда обличительные карикатуры и иллюстрации Тони Жоанно, Гюстава Доре, Гаварни и, особенно, Оноре Домье⁶.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Краткое описание этих листов было дано нами в 1930 г. (М а з о н, pp. 102—103); здесь же были факсимильно воспроизведены 8 профилей (из них 4 — вместе с записями Тургенева) и напечатаны тексты 22 характеристик, принадлежащих Тургеневу (там же, стр. 165—174).

² Первоначальная классификация листов этой второй коллекции была произведена дочерью ее владелицы, м-ль Мишель Больё. В составленном ею перечне листов, который был передан вместе с фотокопиями в редакцию «Литературного наследства», были также точно определены записи, принадлежащие Тургеневу и Виардо. Более подробное исследование листов коллекции г-жи Больё было произведено в редакции «Литературного наследства». В дальнейшем изложении нашей статьи мы опираемся на материалы коллекции Национальной библиотеки.

³ Местонахождение этих листов в настоящее время неизвестно (см. стр. 435—436).

⁴ Об «Игре в портреты» см. также Heinrich B e r l. Baden-Baden im Zeitalter der Romantik. Baden-Baden, 1936, S. 177—184 («Eine Matinée in der Villa Viardot»).

⁵ «The Musical Quarterly», London, 1915, vol. I.

⁶ См. «Physionomies et physiologies, quatre-vingt gravures sur bois d'après Dauterive», exécutées par Eugène Dété, avec une préface par Louis Dimier. Paris, 1930.